

— А-а-а!

Пронзительный, полный боли крик разорвал безмолвие ночи над роскошной усадьбой.

— Повелитель, — бесплотной тенью соткался из ночного мрака мужчина.

Он опустился на одно колено. В его позе сквозило глубокое почтение, однако голос, обращенный к сидящему в беседке человеку, прозвучал мертвенно-холодно:

— Госпожа родила мальчика.

— Мальчик? — лениво отозвался тот, даже не подняв взгляда.

Он небрежно перекатывал в пальцах гладкую каменную фишку го. Глава дворца казался до того безучастным, словно эта резная безделушка занимала его мысли куда больше, чем только что появившийся на свет сын.

На вид мужчине едва ли можно было дать больше двадцати. Иссиня-черные волосы небрежным шелком рассыпались по плечам. Разрез его удлинённых глаз, безупречный разлет бровей, высокая переносица и тонкие губы, изогнутые в вечной, едва уловимой усмешке, выдавали натуру порочную, опасную и властную.

В поднебесном мире боевых искусств имя этого человека гремело грозным эхом. Тянь Исюань, прозванный Селанцзюнем — Господином Зла. Семь лет назад, будучи шестнадцатилетним юнцом, он ворвался в Цзянху с громогласным заявлением: он — наследник поверженного владыки демонического культа, уничтоженного силами праведных кланов, и он пришел мстить. Свои слова юноша подтвердил делом, сразу же совершив набег на Поместье Сокрытого Меча, чья слава тогда сияла ярче полуденного солнца. Обитель пала, вырезанная до последнего человека. Поднебесную охватил ужас; бывшие участники расправы над его предками засыпали и просыпались в холодном поту. Неумолимо, точно рок, Исюань за один только год стер с лица земли более десятка кланов и сект, не щадя ни женщин, ни стариков, ни младенцев.

В конце концов первый мастер Праведного пути не выдержал и вызвал дерзкого безумца на бой у Горы Небесного Решения. В той схватке Тянь Исюань уступил противнику лишь один-единственный удар. После своего поражения он исчез так же внезапно, как и появился.

Миновало три года. Когда в Цзянху начали забывать кровавого палача, он вернулся. И не один — за его спиной стоял Дворец Поднебесной, таинственный и могущественный орден, созданный им в изгнании. Молниеносным ударом Исюань пронесся по землям Севера и Юга, сокрушив вековую гегемонию праведных сект. Отныне Поднебесная разделится надвое: границей между вечными соперниками легла Великая река. А вскоре после этого Господин Зла прибрал к рукам разрозненные кланы Темного пути, став их непререкаемым владыкой.

— Госпожа просит вас прийти, — ровным голосом добавил Аньин. Ему было глубоко безразлично, тронуло ли повелителя известие о сыне; его долгом оставалось доложить все до мельчайших подробностей.

— С каких это пор ты указываешь, что мне делать? — негромко, без тени раздражения спросил Тянь Исюань, но в его вкрадчивом шепоте послышался шелест обнажаемого клинка. — Аньин... Тебе не кажется, что я стал слишком мягок с тобой?

— Я лишь передаю волю госпожи, — ответил глава теней, глядя прямо на Тянь Исюаня. На его лице не дрогнул ни один мускул.

Господин Зла долго, испытываяще разглядывал своего верного слугу. Затем он холодно и ядовито усмехнулся. Встав со скамьи, он лениво потянулся:

— Что ж, пойдем. Посмотрим, какого наследника мне подарили.

Он неспешно направился к Павильону Закатной Луны — личной обители его супруги Юнь Суюэ, признанной первой красавицей Поднебесной.

Павильон Закатной Луны

— Слышал, ты разродилась сыном? — небрежно бросил Исюань, переступая порог богато убранных покоев.

Он скользнул взглядом по сморщенному, красному младенцу, которого бережно баюкала испуганная повитуха. Мужчина мягко улыбался, но взгляд его оставался ледяным.

— Супруг мой... — завидев его, Юнь Суюэ превозмогая слабость попыталась приподняться на ложе. Ее бледное лицо озарила робкая, измученная улыбка.

Даже сейчас, истощенная тяжелыми родами, первая красавица Поднебесной сохраняла ту утонченную, почти неземную прелесть, из-за которой когда-то проливались реки крови. В каждом ее движении сквозило природное величие.

— Тебе не стоит усердствовать, дорогая. Отдыхай, — проговорил муж, однако взгляд, которым он смерил растрепанную, но все еще прекрасную женщину, был полон откровенной издевки.

— Муж мой... — Юнь Суюэ почувствовала, как ледяной ком подкатил к горлу. Она застыла в вымученной улыбке.

«Почему... так шумно?»

Сознание возвращалось медленно, пробиваясь сквозь вязкую, глухую тьму. Окружающие звуки доносились словно из-под толщи воды — неразборчивые, приглушенные, они вызывали лишь тупую растерянность.

«Где я? Что со мной?..»

Он попытался открыть глаза. Веки казались налитыми свинцом, а когда их все же удалось разомкнуть, мир предстал неясным пятном, где верх и низ поменялись местами.

— Владыка, вы... вы еще не дали имя нашему юному господину, — прерывая звенящую тишину, робко пролепетала повитуха. Она остро чувствовала, как сгущается в комнате удушливая, опасная атмосфера.

— Вот как? — Исюань прищурился. На самом дне его зрачков полыхнул ледяной огонь. — А он... точно от меня?

Он по-прежнему приветливо улыбался, отчего эти тихие слова прозвучали еще более чудовищно и беспощадно.

— Господин мой!.. — этот тихий удар выбил из Юнь Суюэ остатки сил.

Она покачнулась и бессильно упала на подушки. Ее взгляд, некогда сияющий и чистый, стал пустым, точно у разбитой фарфоровой куклы.

— Милостивый бог... — руки повитухи задрожали так сильно, что она едва не выронила младенца на каменный пол.

— Да шучу я, шучу, — рассмеялся Исюань, но в его смехе не было тепла.

Он безглаголиво оглядел первенца. Красный, сморщенный, с едва приоткрытыми щелочками глаз — это существо казалось ему верхом уродства.

— Назовем его Цаньцюэ, — равнодушно бросил он. — Тянь Цаньцюэ. Небесный Калека.

«Цаньцюэ?.. Калека?..»

Смысл чужих слов медленно доходил до угасающего разума мальчика. С кем говорил этот человек? Напрягая последние силы, он силился сфокусировать зрение, но видел лишь расплывчатый, темный силуэт.

«Цаньцюэ... Рожденный ущербным?»

— Владыка... побойтесь неба, разве так можно? — старая повитуха покосилась на застывшую на ложе Юнь Суюэ, похожую теперь на безжизненную марионетку. Собрав остатки мужества, она заговорила, заикаясь от ужаса: — Такое имя... оно ведь навлечет беду. Оно слишком несчастливое.

— Несчастливое? — Исюань тихо хмыкнул, и в его голосе прорезалась сталь. — Что ж, тогда, может, ты сама выберешь для него более подходящее имя?

— Нижайше прошу пощады! Глупая раба оговорила! Пощадите! — мертвенно-бледная старуха рухнула на колени, неистово бясь лбом о половицы.

Презрительно фыркнув, Тянь Исюань взмахнул широким рукавом и, не оборачиваясь, покинул Павильон Закатной Луны.

— Уберите! Уберите его с моих глаз! — едва шаги супруга затихли вдаль, как роскошные покои содрогнулись от исступленного, срывающегося на визг крика.

Юнь Суюэ, смертельно бледная, с растрепанными волосами, смотрела на собственное дитя с безграничным отвращением, словно перед ней лежал злейший враг, лишивший ее всего.

— Госпожа... — растерянная и напуганная повитуха попыталась сделать несмелый шаг к постели роженицы.

— Пошла вон! Прочь!

При виде младенца Юнь Суюэ окончательно лишилась рассудка. Она принялась хватать фарфоровые вазы, шкатулки, гребни — все, что попадалось под руку, — и неистово швырять в несчастную женщину.

— Прочь! Выброси этого ублюдка на съедение собакам! Вон!

Повитухе ничего не оставалось, кроме как поспешно ретироваться, укрывая ребенка собственным телом. Старуха бежала из павильона, баюкая кричащий комочек, и даже представить не могла, что эта мимолетная опала затянется на долгие семь лет.